

На правах рукописи

Чибисов Борис Игоревич

**ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТИНА НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ В XV ВЕКЕ
(НЕСЛАВЯНСКИЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Москва – 2018

Работа выполнена в Центре по истории Древней Руси Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт российской истории Российской академии наук.

Научный руководитель: **Стефанович Пётр Сергеевич**
доктор исторических наук, профессор РАН, профессор Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Официальные оппоненты: **Чернов Сергей Заремович**
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии Московской Руси Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт археологии Российской академии наук

Фролов Алексей Анатольевич
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела специальных исторических дисциплин Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт всеобщей истории Российской академии наук

Ведущая организация: Институт языка, литературы и истории – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук»

Защита состоится «__»_____ 2018 г. в 11.00 часов на заседании Диссертационного совета Д 002.018.01, созданного на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт российской истории Российской академии наук по адресу: *117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19.*

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ИРИ РАН и на сайте ИРИ РАН: <http://www.iriran.ru>.

Автореферат разослан «__»_____ 2018 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета Д 002.018.01
кандидат исторических наук

И.А. Устинова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Период XV в. в истории Новгородской земли долгое время привлекал внимание ученых в политическом и социально-экономическом ключе. После того, как зимой 1477/78 г. Новгородская земля была окончательно присоединена к Русскому государству, её территория была подвергнута писцовым описаниям, материалы которых сохранились в новгородских писцовых книгах конца XV в. Ценность писцовых книг с социально-экономической точки зрения не подлежит сомнению. Тем не менее, содержащийся в писцовых книгах ономастический материал остается не вполне востребованным со стороны историков. Рассмотрение этого материала дает возможность пролить свет на этническую историю позднесредневековой Новгородской земли. Кроме того, остаются неизученными проблемы, связанные с инкорпорацией неславянских (прежде всего, прибалтийско-финских) этнических групп, проживавших в Новгородской земле, в социально-политическую систему, выстраиваемую великим князем в Новгороде. Изучение этого вопроса позволяет уточнить положение этнических групп в Русском централизованном государстве.

Степень изученности темы. Систематическое изучение истории этносов, входивших в состав населения Новгородской земли, началось в 40-е гг. XX в. Ранние работы по истории Карелии принадлежат С.С. Гадзяцкому и Р.Б. Мюллер. Они отметили, что топонимы западного Приладожья, территории между Ладожским и Онежским озерами, восточного побережья последнего в XV в. были преимущественно карельского происхождения, что свидетельствует в пользу автохтонности карелов на указанных территориях¹.

Этническая проблематика поднималась в коллективной монографии «История Карелии с древнейших времен до наших дней». Применительно к XV в. в работе встречаются выводы общего характера: на территории Корельского уезда проживали преимущественно карелы, при этом в самом городе Кореле и Сванском Волочке имелось «какое-то количество русских жителей». В области Онежско-Ладожского межозерья проживали вепсы².

Пользуясь результатами археологических изысканий и отдельными топонимическими данными писцовой книги, А.Ю. Жуков утверждал, что именно в северо-западном Приладожье располагались главные племенные земли карелов³.

Давнюю традицию имеет изучение северо-западных земель Новгорода: южного побережья Финского залива, бассейна Невы и Ижоры. По мнению С.С. Гадзяцкого, подсчеты неславянских антропонимов позволяют определить

---

¹ Гадзяцкий С.С. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941. С. 5; Мюллер Р.Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947. С. 17.

² История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 143.

³ Жуков А.Ю. Приладожье в 1500 году // Вуокса: Приозерский краеведческий альманах, 2002–2003. СПб., 2003. Вып. 3. С. 104–114; Он же. Самоуправление в политике России: Карелия в XII – начале XVII в. Петрозаводск, 2013.

приблизительное соотношение славянского и прибалтийско-финского населения. Подсчеты автора позволили ему утверждать, что водь и ижора жили компактными островками среди славянского населения, преимущественно в погостах по южному побережью Финского залива⁴.

Во второй половине XX в. началась продолжительная дискуссия вокруг этнической принадлежности археологических памятников северо-запада Новгородской земли. В.В. Седов пришел к заключению, что этнические выводы, сделанные на основании археологических данных, полностью подтверждаются антропонимией писцовых книг⁵. Е.А. Рябинин считал, что изучение археологических памятников «чудских» погостов (Толдожского и Ополецкого) ясно указывает на присутствие в данной местности прибалтийско-финского населения, сохранившего своеобразный облик материальной культуры. С водскими и ижорскими древностями коррелирует карта распространения прибалтийско-финской антропонимии⁶. О.И. Конькова привлекла более широкий археологический материал и подтвердила вывод своих предшественников: там, где наблюдается скопление прибалтийско-финских антропонимов, выявляются памятники води и ижоры, восходящие к XII–XV вв.⁷ На основе анализа антропонимии писцовой книги Водской пятины 1500 г. А.Г. Новожилов выделил несколько этнокультурных районов: северо-западный в «чудских» погостах, западный на Ижорском плато, восточный в Приневье и на южном побережье Финского залива, юго-западный в среднем Полужье⁸.

Этнический состав населения Обонежья также неоднократно обсуждался в историографии. М.В. Витов, изучая новгородские акты Обонежья, определил, что там встречаются «явно нерусские имена», однако он воздержался от однозначной «этнической» интерпретации этих имен, ограничившись общим заключением о присутствии неславянских этносов в Обонежье⁹.

Средневековую историю вепсов по данным новгородских писцовых книг затронул В.В. Пименов. Он полагал, что учет всех неславянских имен, прозвищ и топонимов позволяет точно определить, какой именно этнос новгородские писцы подразумевали в том или ином месте¹⁰. Применительно к

---

⁴ Гадзяцкий С.С. Ижорская земля в начале XVII в. // Исторические записки. М., 1947. Т. 21. С. 4.

⁵ Седов В.В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX–XIV вв.) // Советская археология. 1953. № 18. С. 190–229.

⁶ Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских культурных связей: Историко-археологический очерк. СПб., 1997.

⁷ Конькова О.И. Водь: Очерки истории и культуры. СПб., 2009; Она же. Ижора: Очерки истории и культуры. СПб., 2009.

⁸ Новожилов А.Г. Этническая история междуречья Волхова и Наровы XV–XVI вв.: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.

⁹ Витов М.В. Гнездовой тип расселения на русском севере и его происхождение // Советская этнография. 1955. № 2. С. 37.

¹⁰ Пименов В.В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965.

концу XV в. В.В. Пименов строил свои выводы не столько на современной тому периоду писцовой книге 1495/96 г., сколько на более поздней книге 1564 г., поскольку книга конца XV в. сохранилась в отдельных фрагментах.

Эстонская исследовательница М. Йоалайд подчеркнула, что свидетельством неславянских истоков заселения Обонежья выступает не только топонимия прибалтийско-финского происхождения, но и тот факт, что значительная территория, описываемая писцовой книгой 1495/96 г., входит в вепский ареал, изученный этнографами¹¹. З.И. Строгальщикова¹² и С.Б. Егоров¹³ уделили внимание некоторым поселениям, упомянутым в писцовой книге 1495/96 г., и пришли к выводу, что в большинстве деревень, известных в средневековье под вепскими названиями, вепсы проживали как минимум до середины XX в.

Менее обширна историография средневековой истории саамов. Исследования Г.М. Керта говорят о том, что топонимы саамского происхождения широко представлены на Кольском полуострове, в бассейнах реки Ояты, Водлы, Онеги, Северной Двины и Мезени¹⁴. А.Ю. Жуков подтвердил факт проживания саамов на Терском берегу Кольского полуострова, где существовала новгородская «волость Тре»¹⁵.

Гораздо меньше внимания уделялось славянскому населению Новгородской земли в XV в.¹⁶ Основной акцент в таких работах поставлен на процессах хозяйственного освоения северных территорий Новгорода славянами. Аспекты этнокультурного взаимодействия различных этнических групп в подобных публикациях практически отсутствуют. В конце XX в. стал заметен отход от социально-экономической проблематики; появились работы

---

¹¹ *Joalaid M.* Russian cadastral registers as a source of Vepsian Onomastics // XX International Congress of Onomastic Sciences: Abstract. Santiago di Compostela, 1999. P. 101–102; *Joalaid M.* Keelevahetus Novgorodimaa Äänise viiendikus // *Mitmekeelisüs ja keelevaihtus õdagumeresoomõ maiõ pääl. Võro Instituudi toimõndusõq.* Tartu, 2006. L. 97–115.

¹² *Строгальщикова З.И.* Вепсы: Очерки истории и культуры. СПб., 2014.

¹³ *Егоров С.Б.* Традиционная культура южных вепсов: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2014.

¹⁴ *Керт Г.М.* Субстратная топонимика Терского берега Кольского полуострова // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы лексикологии и лексикографии. Л., 1981. С. 64–68; *Он же.* Саамские элементы в топонимии Карелии // Рябининские чтения: Сб. докладов. Петрозаводск, 1995. С. 195–200; *Он же.* Саамская топонимная лексика. Петрозаводск, 2009

¹⁵ *Жуков А.Ю.* Саами в XIII–XVII вв. (публикация источников и комментариев) // Антропологический форум. Современные тенденции в антропологических исследованиях. 2004. № 1. С. 298–322.

¹⁶ *Витов М.В.* Этнические компоненты русского населения Севера (в связи с историей колонизации XII–XVII вв.). М., 1964; *Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955; Очерки по истории колонизации Севера. Пг., 1922. Вып. 1; *Платонов С.Ф.* Прошлое Русского севера: Очерки по истории колонизации Поморья. Пг., 1923.

антропологической направленности, посвященные генетическим связям славян с другими этническими группами¹⁷.

Существует обширный комплекс топонимических исследований, основанных на материале Обонежья. Крупные работы в этой области принадлежат И.И. Муллонен¹⁸, Е.В. Захаровой¹⁹, А.В. Приображенскому²⁰. Ряд статей опубликован А.И. Соболевым²¹. Авторы выявили топонимические системы Обонежья – славянскую, карельскую, вепскую и саамскую. Существенным достижением является фиксация конкретных топонимических основ, определение их языковой принадлежности и этимологии.

Таким образом, к началу XXI в. появилось большое количество исторических и лингвистических исследований, касающихся неславянских этносов Новгородской земли в XV в. Тем не менее, эта проблематика не получила комплексного изучения – целостного взгляда на этническую картину региона так и не сложилось. Большинство работ касается истории отдельных регионов Новгородской земли и населявших их этнических групп.

Цель исследования – выявить ареалы и отдельных представителей неславянских этнических групп на территории Новгородской земли в границах пятиин конца XV в. и определить факторы и механизмы этнического взаимодействия.

Задачи исследования

1. На основании исследований лингвистов определить информативные возможности топонимии и антропонимии в этноисторических исследованиях.
2. Выявить в письменных источниках XV в. топонимы и антропонимы неславянского происхождения.
3. Определить ареалы неславянских этнических групп по данным топонимии и антропонимии Новгородской земли.
4. Проследить возможные направления миграции неславянского населения в Новгородской земле.
5. Охарактеризовать способы инкорпорации неславянского населения в социально-политическую систему Новгородской земли.

---

¹⁷ Гончарова Н.Н. Антропология словен новгородских и их генетические связи: дисс. ... канд. биол. наук. М., 1995; Санкина С.Л. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. Saarbrücken, 2012.

¹⁸ Муллонен И.И. Очерки вепской топонимии. СПб., 1994; Она же. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002; Она же. Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008.

¹⁹ Захарова Е.В. Интеграция субстратных прибалтийско-финских топонимов в русскую топонимическую систему Восточного Обонежья: дисс. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2015.

²⁰ Приображенский А.В. Русская топонимия Карельского Поморья и Обонежья в историческом аспекте. Петрозаводск, 2013.

²¹ Соболев А.И. Вепское прошлое Юго-Восточного Обонежья по данным ономастики // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы исследования. СПб., 2015. С. 438–508; Он же. Карельское наследие в топонимии Юго-Восточного Обонежья // Вопросы ономастики. 2015. №1 (18). С. 47–68.

Объектом исследования являются данные письменных источников (писцовых книг, актов, берестяных грамот и летописей), позволяющие выявить и охарактеризовать неславянские этнические группы и их отдельных представителей в составе населения Новгородской земли в XV в. **Предмет исследования** – особенности расселения неславянских этнических групп Новгородской земли, а также их взаимодействия с социально-политической системой Новгорода в указанный период.

Географические рамки исследования. Изучаемое в настоящем исследовании пространство, которое именуется Новгородской землей, ограничено пределами новгородских пятин конца XV в.: Обонежской, Водской, Шелонской, Бежецкой и Деревской. Важно учитывать то, что пятинная система лишь условно может быть соотнесена с исторически сложившейся на Новгородской земле территориальной структурой. Речь идет, следовательно, о центральной новгородской территории. Кроме того, в пятины конца XV в. уже не входили Торжок, Великие Луки и Ржева Пустая, права на которые частично принадлежали Новгороду до ликвидации его независимости.

Хронологические рамки работы охватывают XV в. Нижнюю хронологическую границу составляет начало XV в.: во-первых, именно с этого времени систематически появляются акты Обонежья, во-вторых, началом XV в. датируется важнейший новгородский летописный свод – протограф Новгородской I летописи младшего извода и общего протографа Новгородской IV и Софийской I летописей. Верхнюю хронологическую границу – конец XV в. – определяет составление писцовых книг. По мере необходимости в отдельных случаях привлекаются источники, выходящие за указанные временные границы.

Источниковую базу исследования составляют письменные источники разных видов. В основу работы положены новгородские писцовые книги конца XV в. Писцовые книги – это кадастры, систематизированные по административно-территориальному принципу (по пятинам) и созданные с целью государственного учёта земельных владений, а также проживающего на них податного и неподатного населения. Изданы сравнительно полные писцовые книги Деревской пятины 1495/96 г.²², Шелонской пятины 1497/98 г.²³, Водской пятины 1499/1500 г.²⁴, описание 8 погостов Обонежской пятины

---

²² Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией (далее – НПК). СПб., 1859. Т. 1: Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. Первая половина; НПК. СПб., 1862. Т. 2: Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. Вторая половина.

²³ НПК. СПб., 1886. Т. 4: Переписные оброчные книги Шелонской пятины; НПК. СПб., 1905. Т. 5: Книги Шелонской пятины.

²⁴ НПК. СПб., 1868. Т. 3: Переписная оброчная книга Водской пятины, 1500 года. Первая половина; Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года // Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских. М., 1851. Кн. 11. С. 1–464; Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008

1495/96 г.²⁵, а также небольшие фрагменты описания Бежецкой пятины 1498/99 г.²⁶ Названные публикации писцовых книг были существенно дополнены в конце XX – начале XXI в.²⁷

В качестве источников, верифицирующих показания писцовых книг, привлекаются акты Обонежья²⁸, «корельские» берестяные грамоты конца XIV–XV вв.²⁹, а также летописные известия XV в. Привлекаются различные летописные памятники: Новгородская I летопись и летописи, восходящие к Новгородско-Софийскому своду³⁰, «Летописный свод 1497 г.», представляющий собой летописную компиляцию конца XV – начала XVI в.³¹ Важен текст Софийской I летописи по списку И.Н. Царского (СЦ), которая содержит протограф своей конечной части – московский великокняжеский свод начала XVI в. (в СЦ доходит до 1508 г.)³². Ряд уникальных свидетельств находится в Симеоновской летописи конца XV в., доведенной до 7002 (сентябрь 1493 г.)³³, а также в Псковских летописях³⁴ и «Летописи Авраамки»³⁵. Официальным характером известий о Новгороде отличается великокняжеская летопись 1490-х гг. – Московский летописный свод конца XV в.³⁶

Научная новизна исследования состоит в новом подходе к отбору источников и методике работы с ними. За основу взяты новгородские писцовые книги конца XV в., дополняемые свидетельствами других письменных источников (летописей, актов и берестяных грамот). Писцовые книги впервые в историографии систематически исследуются в качестве источника по этнической истории Новгородской земли XV в. Были выявлены топонимические и антропонимические данные новгородских писцовых книг и положены на карту Новгородской земли. Это позволило определить

года (Продолжение) // *Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских*. М., 1852. Кн. 12. С. 1–188.

²⁵ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.

²⁶ НПК. СПб., 1910. Т. 6: Книги Бежецкой пятины.

²⁷ *Петрова Р.Г.* Отрывок из Писцовой книги конца XV в. // *Источниковедение отечественной истории: Сб. статей*. 1979. М., 1980. С. 238–275; Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII вв. М., 2009; Писцовые книги Новгородской земли. М., 1999. Т. 1: Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и отписные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг.

²⁸ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

²⁹ *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.

³⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000; Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., 2000. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись; ПСРЛ. М., 2000. Т. 6, вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода; ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись.

³¹ ПСРЛ. М., 1963. Т. 28: Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г.

³² ПСРЛ. М., 1994. Т. 39: Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского.

³³ ПСРЛ. М., 2007. Т. 18: Симеоновская летопись.

³⁴ ПСРЛ. М., 2003. Т. 5, вып. 1: Псковские летописи. С. 17; ПСРЛ. М., 2000. Т. 5, вып. 2: Псковские летописи.

³⁵ ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16: Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки.

³⁶ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в.

конкретные ареалы расселения этнических групп и их отдельных представителей, а также проследить направления миграционных процессов в Новгородской земле.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что примененные методики и полученные результаты могут быть использованы в научной и научно-педагогической деятельности, в частности, при дальнейшей научной разработке этнической истории средневековой Руси, создании учебных курсов по истории России.

Методологическую основу исследования составляет междисциплинарный подход, сочетающий в себе традиционные методы исторического исследования (историко-генетический и историко-сравнительный) и методы ономастики – дескриптивный, ареальный и количественно-качественный. Писцовые книги сохранили различные имена собственные: названия географических объектов (топонимы), а также личные имена, отчества и прозвища людей (антропонимы). Дескриптивный метод состоит в выявлении и фиксации топонимов, этнонимов и антропонимов, упоминаемых в источниках. Ареальный метод позволяет определить географию функционирования определенных групп топонимов и антропонимов. Количественный метод состоит в подсчете абсолютного числа жителей с неславянскими именами, а также их доли в общем числе записанных жителей того или иного погоста.

Внутри топонимов писцовых книг выделяется обширная группа ойконимов – названий поселений (в подавляющем большинстве – сельских). В работе уделяется внимание неславянским ойконимам различных видов: во-первых, это ойконимы, образованные от прибалтийско-финских некалендарных имен (*Игалово, Лембитово*) и календарных антропонимов в неславянской форме (*Таруево, Митчуево*). Такие ойконимы имели в своей структуре славянский ойконимический формант *-во*. Во-вторых, отмечались ойконимы, в структуре которых находится *-l*-овый формант (*Кургала, Кавгала*). В-третьих, выделяется обширная группа так называемых «вторичных», или локативных ойконимов. В основе таких ойконимов находились названия физико-географических объектов, распространившиеся на образованные при них поселения. Писцовые книги содержат многочисленные названия, образованные по предложно-падежному типу при помощи неславянских топонимов (*деревня на Тарвисари, деревня в Пягвиярве*). Наконец, среди неславянских ойконимов особое место занимают наименования поселений, образованные посредством онимизации локальных физико-географических терминов, отражающих характер местности. В этой группе ойконимов находятся названия, восходящие к прибалтийско-финским географическим терминам и / или имеющие их в своей структуре: *Лакта (lahti* «залив»), *Гюниярва (jarvi* «озеро»), *Салма (salmi* «пролив»). Прибалтийско-финские антропонимы выявляются, во-первых, на основе результатов

лингвистических исследований В. Ниссиля³⁷, Я. Саарикиви³⁸, О. Л. Карловой³⁹, И. А. Кюршуновой⁴⁰ и, во-вторых, на основе анализа формальных показателей заимствования антропонимов. Формальными показателями являются: 1) фонетический маркер – сочетание звуков, не характерных для русской звуковой системы, переданных в текстах графически: *кк, лл, нн, пп, рр, тт, вг, вк, гп, лг, мб, мп, мк, нг, нж, нт, рг, рл, хк, ге, ги, гю, гя, ке, ки, кю, кя, хе, хи, хя* и др. 2) структурный маркер – формант *-уй (-ой, -ей, -ий)*, отмеченный в составе личного имени или патронима, например: *Meloi, Romoi, Prokoi, Kikoi, Reboi*⁴¹.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Топонимический и антропонимический материал обладает высокой степенью информативности для этноисторических исследований. Информативность обеспечивается системностью ономастического материала.

2. Население Новгородской земли XV в. имело полиэтничный состав и состояло из славян, прибалтийско-финских (саамы, карелы, вепсы, воль, ижора) и тюркских (татары) народов. Кроме того, в Новгородской земле проживали мигранты из европейских государств.

3. Славянское население проживало на всём пространстве Новгородской земли и оказывало влияние на этнокультурные традиции неславянских этнических групп. Действенным способом влияния была христианизация, следствием которой было абсолютное преобладание календарного антропонимикона в регионах исторического проживания прибалтийско-финских народов. Тем не менее, небольшие анклавные с нехристианскими религиозными и антропонимическими традициями сохранялись в XV в.

4. В Новгородской земле позднего средневековья выделяются области, в которых относительно компактно проживало неславянское население. Это Кольский полуостров (саамы), северо-западное Приладожье (карелы), Заонежье, территория между Ладожским, Онежским и Белым озерами, северная часть Бежецкой пятины (вепсы), Приневье, бассейн реки Ижоры и южное побережье Финского залива (ижора), «чудские» погосты и северная часть Шелонской пятины (воль).

5. Твердые этнические границы отсутствовали, что обеспечивалось активными миграционными процессами. Факторами миграций были

---

³⁷ Nissilä V. Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita. 1976. Т. I. С. 43–172.

³⁸ Saarikivi J. Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents // Slavica Helsingiensia. 2007. № 32. Р. 196–246.

³⁹ Карлова О.Л. Карельская антропонимия нехристианского происхождения (на материале писцовой книги Водской пятины 1500 г.) // V Всероссийская конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России»: материалы конференции. Петрозаводск, 2014. С. 33–36.

⁴⁰ Кюршунова И.А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб., 2010.

⁴¹ Кюршунова И.А. Историческая антропонимия Карелии в новых парадигмах лингвистического знания: дисс. ... докт. филол. наук. Петрозаводск, 2017. С. 309.

внешнеполитические конфликты (миграции карелов в северное Приладожье, постройка Ивангорода, реконструкции городов), ухудшение природно-климатических условий (миграции воды и ижоры в Новгородский уезд и на север), экономические интересы (миграции населения в города и волости с более низким уровнем обложения налогами и повинностями).

6. В XV в. у прибалтийско-финских этнических групп Новгородской земли была своя знать, обозначаемая у води и ижоры славянским понятием «бояре», а у карелов – «дети корельские». Эта знать инкорпорируется в новгородскую социально-политическую систему на определенных условиях, среди которых – принятие православия, охрана и защита границы Новгородской земли, выступление на стороне Новгорода в военных походах, сбор дани с подконтрольных Новгороду этнических групп.

7. Социальная организация водских и ижорских крестьян в конце XV в. не отличалась от аналогичной организации славян. В погостах с водским и ижорским населением существовала децимальная система и должности десятских.

Апробация результатов работы проведена на XI конгрессе антропологов и этнологов России (Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г.), VIII международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (Москва, 15–18 сентября 2015 г.), XXIII международном научном форуме «Ломоносов – 2016» (Москва, 11–15 апреля 2016 г.), международной научной конференции «Поляковские чтения» (Самара, 15–17 сентября 2016 г.), семинаре молодых исследователей-медиевистов ИРИ РАН (Москва, 26 января 2017 г.), межвузовской конференции «Исторические исследования в образовательном пространстве Тверского региона» (Тверь, 20 апреля 2017 г.), IX международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (Москва, 11–15 сентября 2017 г.), IX международной научно-богословской конференции Санкт-Петербургской Духовной Академии (Санкт-Петербург, 28–29 сентября 2017 г.), а также на заседаниях Центра по истории Древней Руси ИРИ РАН.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Работа состоит из введения, 5 глав, заключения, списка источников и литературы и приложений. Во **Введении** поставлена научная проблема исследования, обосновывается актуальность темы и степень её разработанности, определяются цель, задачи, предмет и объект исследования, раскрывается научная новизна и практическая значимость работы, характеризуется источниковая база и методология, указываются хронологические рамки исследования.

В главе 1 «Древнерусская ономастика в этноисторических исследованиях: историография вопроса» представлено развитие суждений историков и филологов по проблеме этнического содержания топонимии и антропонимии Древней Руси. В **параграфе 1 «Исследования неславянской**

топонимии Новгородской земли» говорится, что лингвисты фиксируют неславянские топонимы в регионах исторического проживания прибалтийско-финских этносов – Водской и Обонежской пятинах. Начало полемике вокруг этнолингвистического потенциала топонимии было положено А.Х. Востоковым, который предложил использовать географические названия с той целью, чтобы определить «какие племена в России первобытно жительствоваали»⁴². Прибалтийско-финской топонимией заинтересовались финно-угроведы XIX в. академик А.И. Шёгрэн и М.А. Кастрен, которые пришли к выводу, что до прихода славян на Севере и Северо-Западе России жили главным образом карелы и саамы⁴³. Принципиально другим был подход М. Фасмера. Он дал глубокий обзор неславянской топонимии, где привел сотни названий и пришел к выводу, что в древности в районе Ладожского и Онежского озера жили саамы, а на побережье Финского залива – воль и ижора.

А.И. Попова интересовали прежде всего переводные топонимы (кальки) с прибалтийско-финских языков на русский, фиксируемые в древнерусских источниках. Автор показал, что наличие переводных топонимов свидетельствует о двуязычии населения⁴⁴.

Значительный вклад в изучение неславянской топонимии внесла уральская топонимическая школа во главе с А.К. Матвеевым. Он уделил особое внимание этнотопонимам – названиям поселений, образованным от этнонимов. Матвеев считал, что этнотопонимы прямо указывают на пребывание здесь неславянского населения⁴⁵. Но при этом не стоит преувеличивать роль отдельно взятых этнотопонимов. Значение материала такого рода возрастает в том случае, если он привлекается системно на обширной территории, а также в комплексе с данными других наук, в частности – археологии.

На примере вепсской топонимии И.И. Муллонен показала, что изменения этнического состава отражались в названиях поселений. Существенным достижением автора является фиксация конкретных топонимических основ, определение их языковой принадлежности и этимологий⁴⁶. В.Л. Васильев выявил ряд ойконимов, в основе которых находились именованя «этнического» характера. Эти ойконимы сами по себе не являются этническим маркером, однако названия с производящим

---

⁴² *Востоков А.Х.* Задача любителям этимологии // Санкт-Петербургский вестник. 1812. Т. 1. № 2. С. 204–214.

⁴³ *Castrén M.A.* Bemerkungen über sawolotscheskaja Tschud // Nordische Reisen und Forschungen. V. Kleinere Schriften. VII. SPb., 1862. S. 98–105; *Sjogren J.A.* Die Syrjanen, ein historisch-statistischphilologischer Versuch // Idem. Gesammelte Schriften. Band I. Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden. VII. SPb., 1861. S. 292–293.

⁴⁴ *Попов А.И.* Географические названия (введение в топонимику). М.; Л., 1965.

⁴⁵ *Матвеев А.К.* Субстратная топонимия Русского Севера: в 2 ч. Екатеринбург, 2001. Ч. 1. С. 66.

⁴⁶ *Муллонен И.И.* Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994; *Она же.* Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008.

этнонимом хотя бы на первых порах существования поселения могли функционировать как обозначение поселений с неславянским населением⁴⁷.

Взаимосвязь русской и прибалтийско-финской топонимии Обонежья проследили А.В. Приображенский⁴⁸ и Е.В. Захарова⁴⁹. Анализ топонимов Обонежья позволил авторам сделать заключение, что в местах контактирования славян и прибалто-финнов происходило усвоение и адаптация славянами прибалтийско-финских названий. Кроме того, были установлены основные принципы интеграции прибалтийско-финских топонимов в славянскую топонимическую систему. О.Л. Карлова указала на то, что идентификация прибалтийско-финских топонимов основывается на выявлении формантов, среди которых *-l*-овый суффикс, образующий топонимы на *-la* (*Kuikkala, Narhila*). Топонимия на *-la* представляла собой одну из центральных прибалтийско-финских ойконимных моделей⁵⁰. Таким образом, большинство исследователей не разделяет скептическое отношение к изучению этнической истории по данным ономастики.

В параграфе 2 «Изучение неславянской антропонимии и этноантропонимии» дается подробная, с анализом конкретных работ ученых, характеристика этапов развития исследований древнерусской антропонимии. Во второй половине XIX – начале XX в. благодаря публикациям М.Я. Морошкина⁵¹, Н.Д. Чечулина⁵², Н.Н. Харузина⁵³ и Н.М. Тупикова⁵⁴ был накоплен и упорядочен древнерусский антропонимический материал. Однако исследователи не затронули вопроса о том, что скрывалось за такими «этническими» антропонимами, как *Чудин, Литвин, Немчин, Татарин* и т. п.

По сравнению с дореволюционными изысканиями, исследования В.К. Чичагова⁵⁵, С.Б. Веселовского⁵⁶, В.Б. Кобрин⁵⁷, В.Д. Бондалетова⁵⁸ выстраивались на комплексе письменных источников разного вида. Это

---

⁴⁷ Васильев В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012.

⁴⁸ Приображенский А.В. Русская топонимия Карельского Поморья и Обонежья в историческом аспекте. Петрозаводск, 2013.

⁴⁹ Захарова Е.В. Интеграция субстратных прибалтийско-финских топонимов в русскую топонимическую систему Восточного Обонежья: дисс. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2015.

⁵⁰ Карлова О.Л. *-l*-овая модель в топонимии Карелии. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2004.

⁵¹ Морошкин М.Я. Славянский именовослов, или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб., 1867.

⁵² Чечулин Н.Д. Личные имена в Писцовых книгах XVI века, не встречающиеся в православных святцах. СПб., 1890.

⁵³ Харузин Н.Н. К вопросу об употреблении некалендарных имен в допетровской Руси // Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине. Нежин, 1899. Т. 2. С. 150–171.

⁵⁴ Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.

⁵⁵ Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий: Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв. М., 1959.

⁵⁶ Веселовский С.Б. Ономастикон: древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.

⁵⁷ Кобрин В.Б. Генеалогия и антропонимика (по русским материалам XV–XVI вв.) // Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. М., 2008. С. 169–198.

⁵⁸ Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М., 1983.

позволило ученым сделать важные заключения: во-первых, прозвища «этнического» характера в Древней Руси представляли собой развитую систему; во-вторых, они выделяли человека из его окружения по какой-либо характерной черте: в их числе была и этническая принадлежность.

В конце XX – начале XXI вв. появился комплекс работ по прибалтийско-финской антропонимии. Исследования И.А. Кюршуновой, О.Л. Карловой и А.И. Соболева показали, что носителями прибалтийско-финских имен были по преимуществу представители карелов, води, ижоры, саамов и вепсов. Источники XV–XVI вв. позволили авторам отметить широкое распространение так называемых «гибридных именований», когда в одном имени соединялись элементы из разных ономастических систем: календарные (христианские) имена и календарные / некалендарные прибалтийско-финские имена и образования от них. Подобный разноязыковой синтез в антропонимической структуре свидетельствует о тесном взаимодействии славянской и прибалтийско-финской ономастических систем. Это, в свою очередь, не могло не являться следствием активных межэтнических контактов. Авторами выделен круг имен, которые не вошли в славянскую ономастическую систему и вряд ли использовались славянами. Среди таких имен – прибалтийско-финские антропонимы *Вихтуй, Игала, Товкой, Тоивод, Лембит, Ускал*. Данные имена имели хождение преимущественно в отдельных регионах Водской и Обонежской пятин – в «чудских», ижорских и лопских погостах, Карельском уезде. Они вряд ли использовались славянами по причине отсутствия в древнерусском языке звуковых сочетаний, характерных для прибалтийско-финских языков.

В главе 2 «Состав населения Обонежья в конце XV в.» проанализирован этнический состав населения Обонежской пятины по данным писцовой книги 1495/96 г. **Параграф 1 «Население Заонежских погостов»** посвящен анализу этнического состава населения в Заонежье. Здесь преобладали карельские и вепские ойконимы, образованные от названий географических объектов, рядом с которыми располагались поселения. В Шунгском и Толвуйском погостах широко распространены топонимы-полукальки с элементами *-озеро, -река, -губа* и *-наволоок*, возникшие в результате перевода и адаптации прибалтийско-финских топонимов славянской топонимической системой. Продуктивность полукалек должна рассматриваться как свидетельство прочного освоения северного побережья Онежского озера карелами и вепсами.

В антропонимии Заонежья преобладали славянские элементы, прибалтийско-финские – немногочисленны. Прозвища жителей *Корелянин* и *Новгородец* свидетельствуют о том, что на территорию Шунгского и Толвуйского погостов направлялись мигранты. Это отражается в количественных показателях переписи. В Шунгском погосте численность «людей» выросла по сравнению со «старым письмом» на 27 %. В вотчине Вязищского монастыря в Толвуде прибавилось 38 % налогоплательщиков.

«Данная» грамота жителей Шунгского погоста 1475–1480-х гг. упоминает носителей прибалтийско-финских имен с «детми и с племянем». Носители славянских имен были записаны только с «братъею» или с «детми»⁵⁹, что дало М.В. Витову повод считать, что прибалто-финны, в отличие от славян, жили более обширными («племенными») коллективами⁶⁰. Тем не менее, передача земли была осуществлена шунжанами совместно – они рассматривали себя в качестве общности («все шунжане»).

Мировая грамота 1375 г. жителей Шунги, Толвуи и Кузаранды с боярином Григорием Семёновичем показывает, что земельный спор в Челмужском погосте имел не только экономическое содержание, но и этническое. Так, в грамоте упоминается *Артемий Оря*, староста Имоченицкого погоста на реке Ояти, а также ряд носителей прибалтийско-финских имен. Земли (или их часть) Шунгского и Толвуйского погостов рассматривалась вепским «племенем» как ему принадлежащие несмотря на то, что участки находились в собственности боярина. Конфликт жителей Заонежских погостов с боярином привел к реакции приоятских вепсов, которые ранее колонизировали территорию Заонежья.

Параграф 2 «Этнический состав населения южного Обонежья» посвящен анализу особенностей этнической картины между Ладожским, Онежским и Белым озером. В этом регионе были многочисленны вепские топонимы, образованные в основном от гидронимов и ландшафтных понятий. В Михайловском погосте в Озерах появляются ойконимы в *Чудцком конце*, что свидетельствует о смешанном характере населения. В погосте Никольский Готслав волок и южнее уже отсутствуют прибалтийско-финские топонимы и антропонимы. В целом ряде деревень, записанных в писцовую книгу 1495/96 г. под вепскими названиями, вепсы проживали до середины XX в., в некоторых деревнях они присутствуют и в начале XXI в.

Что касается прибалтийско-финских антропонимов, то их наибольшее скопление наблюдается в Оштинском погосте к югу от Свири. Единичные антропонимы зафиксированы в Мытенском, Вытегорском, Веницком на Ояти, Егорьевском в Коигушах, Михайловском в Озерах погостах. Этимологизация этих имен и патронимов позволяет отнести их к вепскому языку. Отдельные имена, имеющие в писцовой книге 1495/96 г. славянскую форму, были записаны в 1563 г. как прибалтийско-финские. Историческая память о древнем неславянском населении Новгородской земли, известном под названием *колбяги*, отразилась в названии погоста Климецкого в Колбагах.

В параграфе 3 «“Лопское” население Новгородской земли: проблема этнической принадлежности» приводится подробный анализ всех упоминаний о лопи в древнерусских источниках. Грамоты великого князя Василия Ивановича, датированные июлем 7025 (1517) г. и сохранившиеся в переводе на датский язык, говорят о том, что территория Кольского

---

⁵⁹ ГВНП. С. 310.

⁶⁰ *Витов М.В.* Гнездовой тип расселения на русском севере и его происхождение // Советская этнография. 1955. № 2. С. 37.

полуострова именовалась «Лопской землей»⁶¹. К 1517 г. она уже была разделена на погосты, а население было подвергнуто переписи⁶².

Понятие «лопь» фигурирует в грамотах Обонежья 40–60-х гг. XV в. Оно имеет как территориальное, так и социальное значение. К середине XV в. у карельских землевладельцев («корельских детей») сложилась практика взимать натуральный / денежный оброк с лопи за пользование землями и угодьями, принадлежавшими корельским детям. Владения корельских детей находились на реках Воньга, Выг, Кемь, Шуя и Сорока, т. е. по рекам бассейна Белого моря. Вероятно, на этих территориях проживала лопь. Летописные известия 1526 и 1530/31 (или 1531/32) гг. позволяют локализовать лопь на Кольском полуострове – в районе Кандалакшского залива, рек Колы, Туломы и устья Невы⁶³. О том, что лопь проживала в устье Невы, свидетельствует название Лопского погоста Ореховского уезда.

По завещанию великого князя Ивана Васильевича известно, что существовала «дикая» и «лешая лопь»⁶⁴. «Дикая лопь» – это саамы, кочевавшие в глубине Кольского полуострова и на Терском берегу. «Лешая лопь», упоминаемая в грамотах Обонежья, проживала в лесах на севере Корельского уезда и по рекам бассейна Белого моря.

Ряд топонимов Кольского полуострова, известных по грамотам 1517 г., имеет саамское происхождение: *Бабинский погост (Ahkel-sijjit)*, *Ловозерский погост (Luj-jaur-sijjit)*, *Терский погост (Tarj-sijjit)*, *Варзуга (Viersij-sijjit)*, *Кола (Kuol-jegge)*, *Умба (имр «закрытый»)*. В северной Карелии и Беломорье археологами зафиксированы культовые памятники саамов – скалы антропоморфного вида, сейды и лабиринты⁶⁵. Приведенные аргументы позволяют считать, что за *лопью* русских средневековых источников стоит конкретная этническая группа – саамы Кольского полуострова и бассейна Белого моря.

Глава 3 «Население северо-западного Приладожья» посвящена этническому составу северных погостов Водской пятины. **Параграф 1 «Этнический состав населения Корельского уезда Водской пятины»** показывает, что около 60 % всех поселений Корельского уезда имели карельские названия. Карельская антропонимия была менее распространенной и не превышала 7 % имен жителей уезда. Преобладание календарной антропонимии в Корельском уезде не означало вытеснения карелов из северо-западного Приладожья: примеры из писцовой книги показывают, что многие карелы были наречены календарными именами в славянской форме, что было

---

⁶¹ Возгрин В.Е., Шаскольский И.П., Шрадер Т.А. Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской земле // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1998. Т. 26. С. 131.

⁶² Там же. С. 129.

⁶³ Новгородская летопись XVI в. из собрания Т.Ф. Большакова (публикация Е.Л. Конявской) // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. С. 375; ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. С. 542, 549.

⁶⁴ Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3. С. 269.

⁶⁵ Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 118–135.

следствием христианизации карельского этноса и влияния славянской ономастической системы, построенной преимущественно на месяцеслове. Присутствие славян фиксируется главным образом в погостах, расположенных к югу от города Корелы.

Подсчеты исследователей говорят о сокращении населения в Корельском уезде на 21 % в период между старым и новым письмом⁶⁶. В 5 погостах уезда население сократилось в совокупности на 346 человек. Рост численности населения отмечается только в Иломанском и Соломинском погостах: численность «людей» здесь увеличилась в целом на 88 человек. Это объясняется внутренней миграцией населения Корельского уезда на северное и северо-восточное побережье Ладожского озера по причине пограничных конфликтов со Швецией в 1495–1510 гг.

«Корельские» берестяные грамоты свидетельствуют о том, что в XIV – первой четверти XV в. в ряде поселений с карельскими названиями Сакульского, Кирьяжского и Иломанского погостов жили носители карельских имен. Археологические исследования в северо-западном Приладожье дают богатый материал, соотносимый с приладожскими карелами XI–XV вв.⁶⁷ В целом свидетельства топонимических и антропонимических данных, а также вещественных источников говорят о том, что территория Корельского уезда была освоена преимущественно карельским населением.

Анализу понятия «дети корельские» посвящен **параграф 2 «“Дети корельские” в северо-западном Приладожье»**. Показано, что «дети корельские» представляли собой землевладельцев, обладавших крупной собственностью в Беломорье и юго-восточном Обонежье. Впервые дети корельские упоминаются в актах Обонежья с 60-х гг. XV в. Появление термина «дети корельские» (и его аналога, «корельские дети»), вероятно, связано с влиянием терминологии Северо-Восточной Руси, где в 30-е гг. XV в. появляется, а в 60-е гг. получает широкое распространение понятие «дети боярские». Акты и берестяные грамоты сообщают о наличии у корельских детей пяти родов. Упоминания отдельных корельских родов наблюдаются уже с конца XIV в. Писцовая книга 1499/1500 г. позволяет определить расположение основных поселений корельских детей: они выявляются на территории Кирьяжского, Городенского и Сакульского погостов. Фактически в центре этих погостов находился город Корела. Дети корельские по своей этнической принадлежности были карелами, на что указывают упоминания «корелы» в связанных с ними актах, а также некоторые прибалтийско-финские антропонимы. Под влиянием христианских традиций славян большинство детей корельских носило календарные имена в славянской форме и было крещено в православии.

---

⁶⁶ История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 43.

⁶⁷ Кочуркина С.И. Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск, 2010; Сакса А.И. Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб., 2010.

Глава 4 «Население северо-запада Новгородской земли» говорит о существовании в южных погостах Водской пятины нескольких анклавов, где проживало прибалтийско-финское население. В **параграфе 1 «Южные погосты Водской пятины»** сделан вывод о том, что прибалтийско-финская ономастическая традиция концентрировалась в Толдожском, Каргальском, Дудоровском и Ижорском погостах. Погосты располагались двумя анклавами: Толдожский и Каргальский – на юго-западном побережье Финского залива: область ограничивается долинами рек Толдоги, Сумы и Систы, северо-западной частью Ижорского плато и Сойкинскими высотами. Толдожский, соседний Ополецкий и отчасти Каргальский погосты, судя по археологическим данным, были местом компактного расселения води. Дудоровский и Ижорский погосты занимали территорию от юго-восточного берега Финского залива по южному берегу Невы. Здесь, видимо, проживала ижора. Кроме того, ижора фиксируется в северном Приневье, южном Приладожье и на севере Новгородского уезда. В городах неславянские антропонимы и «этнические» прозвища немногочисленны, но их разнообразие было выше: встречаются носители прибалтийско-финской и тюркской антропонимии, а также «этнических» прозвищ.

В **параграфе 2 «Этнические прозвища на территории Водской пятины»** показано, что такие прозвища, как *Чудин*, *Ижерянин* и *Вожско* коррелируют с районами концентрации прибалтийско-финской ойконимии, антропонимии, а также водских и ижорских древностей. Появление прозвищ «этнического» характера можно связывать с миграциями населения и поселением в иноэтнических местах. Миграционные процессы в Водской пятине были обеспечены наличием здесь густой и разветвленной сети дорог. Причиной внутренних миграций славян, води и ижоры могли быть природно-климатические изменения, в частности засухи 1485, 1486, 1488, 1491 и 1499 гг. В этих условиях население переселялось в долины рек или переносило свои посеы и покосы на увлажненные почвы.

Глава 5 «Население южных пятин Новгородской земли» посвящена анализу этнического состава населения Шелонской, Деревской и Бежецкой пятин. В **параграфе 1 «Состав населения Ивангорода по данным писцовой книги Шелонской пятины 1497/1498 г.»** анализируется динамика состава населения Ивангородской крепости на рубеже XV–XVI вв. В Ивангороде была потребность в населении, способном осуществлять охрану границы. Столкновение шведов и русских в Ивангороде в августе 1496 г. завершилось поражением осажденных. Уже после разрушения и восстановления крепости, в 1497/98 г., в писцовую книгу были записаны дворы ивангородских казаков, т. е. служилых людей, несущих пограничную службу по найму. Примечательно, что некоторые казаки имели прибалтийско-финские антропонимы и этнические прозвища. Вероятно, к пограничной службе привлекалось как славянское, так и неславянское население. Сообщения летописей о периодическом появлении московско-тверского, новгородского и

псковского военных отрядов в этом районе указывает на то, что Ивангород находился на одном из важных направлений русской внешней политики.

Расположенный на Нарве, Ивангород был важным внешнеторговым центром. В писцовую книгу были записаны ивангородцы, носившие топонимические прозвища – *Москвитин*, *Псковитин*, *Новгородец*, при этом некоторые из них, согласно указаниям писцовой книги, были купцами.

Проживание в Ивангороде людей из других регионов могло быть не только добровольным и бессрочным. В связи с постройкой новой Ивангородской крепости были мобилизованы значительные человеческие ресурсы, так что проживание и различные работы в Ивангороде могли выступать в качестве повинности местного населения. Охрана строящейся крепости была обязанностью псковского наместника и населения Псковской земли. Писцовая книга указывает на нескольких *Псковитян* в городе – видимо, это действительно были мигранты из Пскова или его округа. Таким образом, присутствие *Москвитян*, *Новгородцев* и *Псковитян* в писцовой книге полностью вписывается в историю города. В город привлекалось и неславянское население, проживавшее в округе, о чем говорят прозвища *Вошко*, *Чудин* и прибалтийско-финские антропонимы. Есть все основания считать, что Ивангород, оборонительный и торговый центр, был полиэтничным поселением. Столь масштабные мероприятия, связанные с привлечением населения различных русских земель и этнических групп для строительства и боевых действий, были в определенной степени новшеством для Северо-Западного региона. Одновременно они вписываются в политику Ивана Васильевича, направленную на укрепление северо-западных рубежей Руси. Проявлением этой политики было значительное укрепление и расширение городов Корелы и Ладоги. Появление Ивангорода на карте Руси стало своеобразным знаком образования централизованного государства.

В параграфе 2 «Население Русы в конце XV в.» говорится о том, что среди жителей Русы и собственников недвижимости, носивших календарные имена в славянской форме, помимо многочисленных *Рушан* были представители различных городов и регионов Русы: Великого Новгорода, Ивангорода, Рязани. На это указывают топонимические прозвища (*Рязанец*) или топонимические уточнители, добавляемые к имени человека (*из Новагорода*, *из Ивана-города*). Этнические прозвища фиксируются в каждом из четырех концов Русы. В описании города встречается великокняжеский двор, «что был борисоглебский Корельского ряду». Видимо, Корельский ряд объединял проживавших в Русе *Корелян*, занимавшихся ремеслом и торговлей. Тесные связи населения города со странами Запада подтверждают не только прозвища *Немчин* и *Литвин*, но и материальная культура Русы. Предположительно, жители с прозвищем *Литвин* были мигрантами из Великого княжества Литовского. Присутствие в Русе *Литвинов* может быть объяснено как социально-экономическими, так и политическими причинами. В мае-июне 1471 г. Новгород составил проект договора с Казимиром IV, где говорится о предоставлении Казимиру 10 варниц в Русе. Помимо этого, с

последней четверти XIV в. Руса несколько раз в течение непродолжительного времени находилась в управлении приглашенных литовских кормленщиков. Это создавало условия для этнокультурных контактов населения Новгородской земли и подданных Великого княжества Литовского.

Параграф 3 «Сельское население Шелонской, Деревской и Бежецкой пятин» объединяет ономастические данные по трем пятинам. Показано, что северная часть Шелонской пятины включала в себя территории с водским населением. Именно здесь, на границе Шелонской и Водской пятин, наиболее часто встречаются «чудские» ойконимы, носители прозвища *Вожско* или патронима *Вожков*. Это связано с тем, что граница Шелонской и Водской пятин была чисто географической, а не этнической, и проходила по реке Луге.

Среди условно «западных» прозвищ можно выделить антропонимы *Ляшко / Лятчко, Пан, Литвин / Литвинов*. Ойконимы *Пруссы / Прусово* могли быть связаны с жителями Прусской улицы в Великом Новгороде или носителями личного имени *Прус*, лишь косвенно связанных с этнической группой пруссов.

Материалы писцовой книги Деревской пятины содержат единичные прибалтийско-финские антропонимы. Значительно больше неславянских ойконимов, а также этнических и топонимических прозвищ, например: *Вожско, Чудин, Татарин, Тверитин, Бежичанин, Новоторжанин*. Подавляющее большинство носителей отэтнонимических прозвищ проживало в погостах и волостях, расположенных в непосредственной близости от важнейших дорог Новгородской земли.

Запись населения Бежецкой пятины была проведена таким образом, что фиксировались в основном лишь личные имена, прозвищ практически нет. Можно встретить лишь два ойконима, косвенно связанных с прибалто-финнами. Это деревни *Вошково* и *Кукуево* волости Белой Никольского погоста в Шереховичах. Расположение погоста на границе с Обонежской пятиной позволяет предположить, что в северной части Бежецкой пятины проживали вепсы. Кроме того, в писцовой книге 1545 г. упоминается погост Егорьевский в «Чудинах», расположенный на северо-западе Бежецкой пятины.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По материалам ономастики, а также по свидетельствам письменных и археологических источников, Новгородская земля в XV в. имела ярко выраженный полиэтнический характер: здесь проживали славяне, прибалтийско-финские этнические группы и представители тюркских этносов, жестких границ между которыми не было. Статистические показатели неславянских имен в конце XV в. невысоки, однако их нельзя напрямую соотносить с реальной численностью неславянского населения.

В XV веке оказывал влияние ряд факторов лингвистического и экстралингвистического характера. Прежде всего необходимо учитывать огромную роль длительных взаимоотношений славян с прибалтийско-

финским населением. Христианизация прибалтийско-финских этнических групп привела к тому, что в их ономастическую систему стали проникать календарные имена. В ряде одних случаев эти имена адаптировались в соответствии с фонетическими нормами прибалтийско-финских языков, в ряде других они функционировали в славянской форме. Второй путь усвоения календарного антропонимикона славян прибалто-финнами, судя по писцовым книгам, явно преобладал. Важной тенденцией является то, что прибалтийско-финские антропонимы функционировали в конце XV в. преимущественно в форме патронимов, а не личных имен. Это означает, что неславянские личные имена в предыдущем поколении были более актуальны.

Писцовые книги неоднократно фиксируют жителей с прозваниями, образованными от этнонимов и катойконимов. Исследование географии распространения таких прозвищ позволяет говорить о том, что их действительно могли носить люди, относившиеся к определенной этнической группе. Однако среди этнонимов и прозваний прослеживается иерархия. Так, значение именованья *Новгородец* / *новгородцы* зависело от контекста: в широком смысле оно могло применяться для обозначения населения Новгородской земли в целом, а в узком смысле прилагалось к славянам-жителям Великого Новгорода и Новгородской земли, которые противопоставлялись *кореле, чуди, ижерянам, литвинам* или *немцам*. Этнические прозвища, такие как *Корелянин, Чудин, Ижерянин* и *Вожско* использовались только неславянским населением. Что касается славян, то у них были более распространены прозвания, образованные от названий городов или земель – *Ладожанин, Тверитин, Москвитин, Псковитин* и т. д. Прозвища использовались для идентификации (и самоидентификации) жителей по этническому или территориальному признаку.

Можно проследить специфику в этнической картине отдельных регионов Новгородской земли. Её северная часть – Кольский полуостров – в начале XVI в. именовался «Лопской землей», получившей такое наименование по населявшей её *лопи*, под которой средневековые источники подразумевают саамов. Существовало разделение на «дикую» и «лешую» лопь: если дикая лопь проживала на Кольском полуострове, то лешая – по рекам бассейна Белого моря. Во второй четверти XVI в. активизировалась миссионерская деятельность Великого Новгорода среди саамов: в 1530/31 г. состоялось крещение некоторых представителей лопи Кольского полуострова. Помимо саамов, территорию Кольского полуострова освоили карелы и славяне.

Обонежье было регионом, где проживали славяне, карелы и вепсы. Последние могли именоваться в источниках *чудью*. В Заонежье, на Олонецком перешейке и в юго-западном Прионежье прослеживается присутствие карелов, что связано с их постепенным оттоком из Приладожья. Вепсы проживали на более обширных территориях: в Заонежье, юго-восточном и юго-западном Прионежье, в бассейне реки Свири и на Оште.

Территория Корельского уезда была освоена преимущественно карельским населением (*корелой* / *Корелянами*), особенно в северной части

уезда – Задней Кореле. Под воздействием внешней угрозы в лице шведов карельское население постепенно мигрирует в северную часть Корельского уезда и на юг – в Приневье и южное Приладожье. В конце XIV–XV в. источники фиксируют наличие у карелов местной знати, известной под именем «корельских детей» и состоявшей из пяти родов. В условиях распространения власти Новгорода на территорию корелы местная знать «встраивалась» в социально-политическую систему Великого Новгорода. Условием успешной инкорпорации иноэтничных элементов с высоким социальным статусом в систему Новгородской республики была христианизация.

Ранние сведения об инкорпорации водской и ижорской знати и их военной организации в новгородскую военную и, если говорить шире, социально-политическую систему могут быть отнесены к середине XIII в. В условиях внешней опасности водь и ижора перестают быть для Новгорода периферийными народами, начинают систематически участвовать в новгородских внешнеполитических акциях и затем оказываются внутри новгородских границ, закрепленных международными договорами и обозначенных линией городов-крепостей. Одним из условий такой инкорпорации было принятие православия. Местная знать прослеживается у води и ижоры в середине XV в. и именуется по славянскому образцу «боярами».

В южной части Водской пятины существовало несколько центров, где концентрировались представители прибалтийско-финских народов. На юго-западном побережье Финского залива – в долинах рек Толдоги, Сумы и Систы, а также в северо-западной части Ижорского плато и на Сойкинских высотах компактно проживала водь, именуемая в источниках *чудью*. На территории от юго-восточного берега Финского залива по южному берегу Невы проживала ижора. Некоторые представители этой этнической группы получали прозвище *Ижерянин*. Кроме того, ижора фиксируется в северном Приневье, южном Приладожье и на севере Новгородского уезда. Славяне проживали во всех погостах юга Водской пятины, особенно в ближайшем к Великому Новгороду Новгородском уезде, где абсолютное большинство населения носило календарные имена, а названия поселений, за некоторыми исключениями, имели славянское происхождение.

Шелонская пятина отличалась наличием большего числа городов по сравнению с другими пятнами Новгородской земли. Особую роль играли Руса и построенный в конце XV в. Ивангород. В Ивангороде и Ивангородском уезде была потребность в населении, способном осуществлять охрану границы. К пограничной службе привлекалось как славянское, так и неславянское население. В связи с постройкой новой Ивангородской крепости были мобилизованы значительные человеческие ресурсы, так что проживание и различные работы в Ивангороде выступали в качестве повинности местного населения. В составе населения Русы отмечены жители и владельцы дворов из различных регионов Руси – Великого Новгорода, Ивангорода, Рязани,

Корельского уезда и водских погостов. Длительные политические взаимоотношения Новгородской земли и Литвы проявились в том, что в конце XV в. в Русе неоднократно встречаются мигранты из Великого княжества Литовского, вошедшие в состав тяглого населения города.

Топонимические и антропонимические данные писцовых книг свидетельствуют о том, что сельское население Шелонской, Деревской и Бежецкой пятин было по преимуществу славянским. В северных районах Шелонской и Бежецкой пятин прослеживается скопление прибалтийско-финской ойконимии. По всей видимости, это связано с присутствием водского элемента на севере Шелонской пятины и вепского – в Бежецкой пятине. Это подтверждает то, что административно-территориальное деление не учитывало этнических границ. Кроме того, именно в южных пятинах встречается большинство тюркских имен и прозваний. Невысокая численность имен, которые можно включить в тюркскую группу, связана с тем, что прямые, непосредственные контакты с тюркским населением проходили по преимуществу в новгородских областях, примыкающих к землям Северо-Восточной Руси, где этнокультурные контакты с тюркскими народами были более тесными.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в изданиях ВАК

1. *Чибисов Б.И.* Состав населения Ивангорода по данным писцовой книги Шелонской пятины 1497/1498 г. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2016. № 3. С. 103–114. (0,7 а. л.).
2. *Чибисов Б.И.* Состав населения Русы по данным писцовой книги Шелонской пятины 1497/1498 г. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2017. № 1. С. 149–160. (0,7 а. л.).
3. *Чибисов Б.И.* «Дети корельские» в контексте этнической истории северо-западного Приладожья XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 2 (68). С. 18–25. (0,6 а. л.).
4. *Чибисов Б.И.* «Лопское» население Новгородской земли: проблема этнической принадлежности // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 164–165. (0,1 а. л.).

Другие публикации по теме диссертационного исследования:

5. *Чибисов Б.И.* Дискуссии об информативных возможностях антропонимии для исследования этнической истории Древней Руси // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. СПб.; Казань: Контраст, 2016. Вып. 6. С. 453–462. (1,0 а. л.).

6. *Чибисов Б.И.* Этнический состав населения Ивангорода и Старой Руссы по данным писцовой книги Шелонской пятины 1497/1498 г. // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2016» / Отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2016. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). (0,2 а. л.).

7. *Чибисов Б.И.* Этнический состав сельского населения Шелонской, Деревской и Бежецкой пятин в конце XV в. // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. СПб.; Казань: Контраст, 2017. Вып. 8. С. 357–366. (0,8 а. л.).